

приобретаемой и развивающейся только в процессе развития и социализации личности.

В рамках нашей задачи мы можем определить естественное, биологическое, как все то, что дано человеку филогенетически, т. е. как наследуемую сумму основ и возможностей тех деятельностей, в результате которых возможно овладение объективной действительностью и отражением. Социальное — это то, что усваивается человеком в ходе онтогенетического развития, т. е. структуры тех деятельностей, которые могут быть совершены в определенных (внешних и внутренних) условиях и в определенных формах для удовлетворения собственно человеческих потребностей.

Идеи Н. Хомского относительно врожденного, биологически наследуемого характера языковой способности, казалось бы, находят подтверждение в фактах, полученных за последнее время в ряде областей науки — прежде всего в этологии, показавшей наличие инстинктивных, врожденных форм поведения животных (К. Лоренц). Кроме того, чрезвычайно интересными данными располагает экспериментальная физиология, где работами Н. П. Бехтерева установлены своеобразные и очень сложные функции нейронов в речепроизводстве. Подобные факты как бы подтверждают правильность точки зрения Н. Хомского относительно априорности языковой способности (компетенции), служащей предпосылкой употребления языка. Однако исследования онтогенеза речи показывают именно социальный, а не врожденный характер языковой способности человека. Указанные же факты раскрывают функционирование физиологической основы речи, не говоря ничего относительно природы и развития языковой способности.

Разумеется, нельзя отрицать роли природных факторов в формировании языковой способности (место этих факторов будет отмечено ниже). Однако быть основным на чем-то и быть этим чем-то — разные вещи. Например, практически всеми исследователями детской речи отмечается наличие гуления — своеобразного «звукопроизводства» в первые месяцы жизни ребенка. Причем факты гуления отмечаются и у глухонемых от рождения детей. Вместе с тем стадия лепета (следующая после гуления в онтогенезе речи) наступает только у слышащих детей. Механизм гуления, таким образом, поскольку он есть у глухих детей, является врожденным, однако он никогда не переходит в лепет, если отсутствуют воспринимаемые на слух реакции взрослых, т. е. влияние социальной среды. Если гуление имеет аутогенный характер, то закрепление фонетики родного языка в лепете социально³.

Некий субстрат речевой деятельности, некая ее биологическая основа, о наличии которой говорят факты экспериментальной физиологии, не есть достаточное условие овладения языком, развития языковой способности. Сейчас уже хорошо известно, что закрепление смыслов («глубинных структур») возможно только на основе предметной и орудийной (практической, социальной по характеру) деятельности ребенка. Об этом, в частности, говорят факты неудач обучения слепоглухонемых детей речи без опоры на практические действия. «Эта „речь“... распадалась, не оставляя следа»⁴.

Между социальными и естественными факторами имеется диалектическая связь, причем социальное может — в определенных пределах — основываться на естественном. Например, показано, что неандерталец из-за особенностей своего анатомического строения не мог произносить тех звуков, которые существуют в современных языках⁵. Можно думать,

³ См. Горелов И. Н. Проблема функционального базиса речи. Докт. дис. Магнитогорск, 1976, с. 118 сл.

⁴ Мецгеряков А. И. Проблемы образа и формирования психики слепоглухонемого ребенка. — «Вопросы психологии», 1960, № 4, с. 113.

⁵ Liberman Ph. and Crelin E. S. On the Speech of Neanderthal man. — «Linguistic Inquiry», 1972, № 2, p. 203—222.